

А. Б. Арсеньев
(Нови-Сад, Сербия)

Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шретер

Русские архитекторы в Югославии

Творческое наследие русских архитекторов на просторах бывшей Югославии огромно. Если в начале XX в. известно всего несколько объектов, построенных по проектам архитекторов из Российской империи,¹ то в период между двумя мировыми войнами работ русских архитекторов, беженцев с юга России, насчитываются тысячи². Это православные храмы, мавзолеи и памятники, правительственные здания, министерства, банки, дворцы, посольства, архивы, театры, промышленные и военные комплексы, мемориальные военные кладбища, студенческие общежития, больницы, школы, почтамты, доходные жилые дома, особняки и загородные виллы.

¹ Здание «Бильярда» — дворца П. П. Негоша в черногорском городе Цетинье (1838, арх. Яков Озерецковский); соборный храм Св. Василия Острогского в черногорском городе Никшич (1900, арх. Михаил Михайлович Преображенский); храм-памятник Св.Троицы в сербской деревне Адровац, воздвигнутый в память героически погибшего там добровольца, полковника Н. Н. Раевского (1903, арх. Н. А. Бруни); белградская гостиница «Москва» (1907, сербский арх. Йован Иллич, фасад выполнен петербургскими архитекторами Васильевым и Бубырем в стиле русского модерна).

² В фондах Исторического архива Белграда хранится примерно 2 тыс. проектов около 50 русских архитекторов, творивших в Белграде: В. В. Сташевского — 1042 проекта, В. И. Былинского — 295, Г. В. Сташевского — 129, А. В. Папкина — 103, Б. Г. Фесенкова — 105. (Архитекта Валериј В. Сташевски: Живот и стваралаштво у Београду 1920—1944: Каталог / Аутори изложбе и каталога Олга Латинчић и Бранка Ракочевичић. Београд, 1999. С. 2). В Архиве города Скопье (Македония) хранится 309 проектов Б. Дутова и 352 проекта И. Г. А ртемушкина (Георги Константиновскио Градителите во Македонија, XVIII—XX век. Скопје, 2001. С. 61—62, 72—73).

О работах этих архитекторов, участниках конкурсов и выставок, их архитектурных и градостроительных проектах писали много, а в последние годы публикуются исследования, посвященные отдельным зодчим-россиянам. Белградские историки архитектуры Александр Кадиевич и Милан Милованович в 1993 г. составили перечень русских архитекторов, творивших в Сербии. Там 60 имен³. В своей книге о русских инженерах в Югославии историк Тома Миленкович приводит 150 имен архитекторов⁴.

Русских архитекторов, оставивших след в Югославии можно условно разделить на три группы:

— еще в России приобретшие имя:

Николай Петрович Краснов (1864, Московская губ. — 1939, Белград),
Василий Михайлович Андросов (1873 (1872?) — 1944),
Петр Павлович Фетисов (1877, Москва — 1926, Загреб),
Василий Федорович Баумгартен (1879, СПб. — 1962, Буэнос-Айрес),
Константин Николаевич Амосов (ок. 1882 — 1946, Белград);

— успевшие получить образование в России:

Роман Николаевич Верховский (1881, Минская губ. — 1968, Нью-Йорк),

Валерий Владимирович Сташевский (1882, СПб. — 1945, СССР),
Виктор Викторович Лукомский (1884, СПб. — 1947, Белград),
Георгий Павлович Ковалевский (1888 — ?);

— продолжившие и окончившие образование в Белграде и Загребе⁵:

Иван Афанасьевич Рык (1888, Полтава — 1961, Буэнос-Айрес),
Андрей Васильевич Папков (1890, Крым — 1972, Буэнос-Айрес),
Иван Григорьевич Артемушкин (1897 — начало 1950-х, Пловдив),
Георгий Яковлевич Киверов (1897, Варшава — 1976, Загреб),
Леонид Захарович Макшеев (1897, СПб — ?),
Александр Иванович Медведев (1900, Мелитополь — 1984, Ниш),
Надежда Николаевна Незнаева-Залепугина (1901, Двинск — 1954, Загреб),

Григорий Иванович Самойлов (1904, Таганрог — 1989, Белград),
Зоя Петровна Непенина-Думенгич (1904, Одесса — 2000, Загреб),
Павел Васильевич Крат (1907, Саратов — 1969, Киев),
Петр Дмитриевич Анагности (1909, Одесса — 1996, Белград),
Игорь Львович Скопин (1914, Харбин — 1993, Загреб).

---

³ Кадиевић А. Изложбе руских архитеката у Београду између два светска рата // Рус-ка емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. I. Београд, 1994. С. 298.

⁴ Миленковић Т. Руски инжењери у Југославији 1919–1941. Београд, 1997. С. 112, 175–215.

⁵ Архитектурные отделения технических факультетов в Белграде и Загребе окончило около 130 русских студентов.

Архитекторы старшего поколения оставались верны классицизму и эклектике, удачно уживавшимся с господствующими в стране национально окрашенным романтизмом («сербско-византийский стиль»), наднациональным академизмом и модерном начала века. Среднее поколение, многие представители которого быстро завоевали себе имя, постепенно склонялись к современной архитектуре, к эстетике функционализма и частью конструктивизма, значительно модернизируя традиционный стиль своих работ (Лукомский, Папков, Рык, Артемушкин). Более молодые, талантливые и дерзающие, пошли дальше, приняли новые течения времени, одновременно сохраняя собственное творческое лицо (Медведев, Самойлов, Крат, Непенина-Думенгич).

Русские беженцы, прибывшие в Королевство СХС, основали свои организации — политические, культурные, профессиональные. Уже 20 июня 1920 г. в Белграде был создан Союз русских инженеров в Королевстве СХС, выпускавший «Бюллетень» (1922, 1924—1925, 1938) и журнал «Инженер» (1923, 1927—1936). Однако архитекторы не были довольны своим статусом в этом союзе и в 1922 г. создали собственное Общество русских архитекторов в Королевстве СХС. Своего органа печати у них не было. При этом русским архитекторам было важнее состоять членами Объединения югославских инженеров и архитекторов (создано в 1919 г.), имеющем отделы в разных городах страны. Это членство облегчало им получение работы по специальности.

Министерство строительства в каждом округе страны имело одну или более строительных «секций», в которых трудились инженеры различных специальностей. В начале 1921 г. в самом Белграде в это Министерство было принято 90 русских инженеров и архитекторов, распределенных по всем отделениям. В архитектурном отделе работали преимущественно русские специалисты, которым на протяжении всего межвоенного периода поручались ответственные задания государственного значения⁶.

Русские беженцы, не имевшие гражданства, не могли быть приняты на постоянную службу, а числились на «гонорарной» или на временной работе — по контракту (чаще всего на срок 1—3 года). Гонорары не соответствовали уровню зарплат чиновников с югославским гражданством и не включали выплату дополнительных пособий на инфляцию и членов семьи. Годы временной службы не зачитывались в общий рабочий стаж. Поэтому архитекторы стремились поступить в частные фирмы и проектные бюро местных архитекторов. Лишь в 1930-е гг. некоторым из них удалось нострифицировать свои российские дипломы. В основном по этой причине

⁶ *Кадиджевић А.* Допринос руских неимара емиграната српској архитектури између два светска рата // *Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994. С. 246—247.*

исследование творческого наследия русских архитекторов старшего и среднего поколения весьма затруднено — их проекты подписаны именем лицензированного архитектора, зарегистрировавшего свое проектное бюро (фамилию русского можно обнаружить в графе «рисовал», «расчеты проводил» — в качестве скромного технического исполнителя).

Оценка реализованных проектов русских архитекторов в межвоенные годы редко основывалась на профессиональных аналитических и синтетических исследованиях. Суждения ограничивались поверхностными обзорами в газетах и литературно-общественных журналах, знакомивших читателей с завершением строительства административного здания или храма. Фамилия архитектора-иностранца обыкновенно не указывалась. Журналисты или коллеги-архитекторы больше внимания уделяли периодическим выставкам архитектурных работ или конкурсным проектам, оценивая их лишь парой шаблонных эпитетов.

После Второй мировой войны в социалистической Югославии к русской эмиграции относились враждебно, а о монументальных постакадемических работах архитекторов в Белграде отзывались снисходительно или пренебрежительно («помпезность», «тенденция к нагромождению архитектурных деталей», «поиски насильственного эффекта монументальности», «чрезмерная пластика», «конструктивная нелогичность — абсурдные кулисные решения», «монументальная тяжеловесность»...). Игнорируя их вклад в стремительную европеизацию патриархального, отсталого и в войнах разрушенного Белграда, эти критики не учитывали вкусы заказчиков (монарха, правительства и буржуазии), как и стремление столицы одного из государств Малой Антанты внешне походить на города среднеевропейских стран, желая наверстать упущенное.

Однако в 1970—1980-е гг. большее внимание стало уделяться культурному наследию столицы и регионов страны. В 1993 и 1997 гг. в Белграде были проведены симпозиумы по теме «Русская эмиграция в сербской культуре XX века», а в 1999 г. — совещание «Видные деятели и темы сербского градостроительства, иностранные архитекторы и иностранные влияния в Белграде между двумя мировыми войнами». Эти мероприятия вдохновили историков архитектуры заняться поиском и систематизацией данных как основы для объективного представления объема работ и достижений русских архитекторов.

В 1998 г. в Белграде, Москве и Петербурге прошли выставки «Русские архитекторы в Белграде»⁷. Не удивляет отклик белградского рецензента

---

⁷ Издатель каталога (на сербск., русск. и англ. яз.) — Белградский институт охраны памятников культуры. Авторы выставки и каталога — Г. Гордич и В. Павлович-Лончарски (Белград, 1998).

об этой выставке: «С полным правом можно сказать, что архитектурный облик Белграда между мировыми войнами формировали именно русские градостроители, архитекторы и строители»⁸.

Отдельной монографии о русских архитекторах в Югославии пока нет, но стоит упомянуть книгу об академике архитектуры Императорской Российской академии Николае Петровиче Краснове, выпущенную в 2003 г. в Украине на русском языке⁹. В томе представлено его творчество как в России (Крым, 1887–1919), так и в Югославии (1922–1939). Совместный труд авторов из Украины и Сербии был замечен в России. Помимо награды в Украине, книга получила приз и в Москве¹⁰.

Цель данного исследования — проанализировать архитектурное наследие двух выпускников петербургского Института гражданских инженеров императора Николая I, внесших «русскую ноту» в прозападный облик среднеевропейского Нови-Сада, города, о котором необходимо предварительно сказать пару слов.

Нови-Сад — история, архитектурные стили

По численности населения (свыше 300 тыс. жителей) и как культурный центр Нови-Сад сегодня занимает второе место в Сербии. Город был заложен в 1694 г., когда на левобережье Дуная был сооружен плацдарм для обороны строившейся австрийцами Петроварадинской крепости. За всю его сравнительно короткую историю в Нови-Саде преобладает сербское население, но город отличается этническим и конфессиональным разнообразием. Прибывшие добровольно или вследствие проводимой колонизации на освобожденные от турков территории, здесь обосновывались немцы, венгры, евреи, словаки, греки, армяне, чехи, карпатороссы, украинцы, румыны...

Благодаря своему стратегическому положению на торговых сухопутном и водном путях из Центральной Европы в Малую Азию, Нови-Сад бурно развивается, а в середине XIX в. достигнет своего культурного апогея. Он становится городом крупных землевладельцев, ремесленников, влиятельных политических деятелей и прессы, учащейся молодежи и богемы — поэтов, художников, публицистов. За городом утверждается

⁸ *Суботић И.* Три значајне изложбе из архитектуре Београда // *Наслеђе*. 2. Београд, 1999. С. 206.

⁹ *Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М.* Архитектор Высочайшего Двора: «Архитектор Краснов — удивительный молодец...». Симферополь, 2003.

¹⁰ Диплом по номинации «История архитектуры и архитекторы» на XI Международном фестивале «Зодчество-2003» в сентябре 2003 г. в Москве, а в июне 2004 г. авторы монографии завоевали звание лауреатов премии Верховного Совета АР Крым (Эхо. Дайджест зарубежной прессы. Симферополь, 2005. № 15 (507). С. 8).

слава культурного центра сербов в Австро-Венгрии, его называют «сербскими Афинами». После окончания Первой мировой войны и воссоединения в 1918 г. этих территорий в Королевство СХС, Нови-Сад насчитывает всего около 30 тыс. жителей, а перед Второй мировой войной в нем уже проживает вдвое больше граждан.

До 1914 г. архитектурные проекты заказывались преимущественно будапештским и венским архитектором.

На протяжении культурной истории в Нови-Саде чередовались и ужились следующие архитектурные стили, сравнительно быстро проникавшие из Европы:

- барокко (1720—1780);
- переходный период от барокко к классицизму (1780—1820);
- классицизм (1820—1860);
- бидермайер (с 1849);
- романтизм и ранний историзм (1850—1880);
- эклектика, неостили: неоготика, неоренессанс (1890—1910);
- модерн, вариант «венгерского сецессиона» (1900—1914);
- ар деко, интернациональный стиль (1928—1935);
- конструктивизм, функционализм (1930—1941);
- современная архитектура (после 1945)¹¹.

Историки архитектуры так характеризуют XX век в архитектуре Нови-Сада: «Общественные здания, построенные до Первой мировой войны — школы, больницы, казармы, культурные учреждения, гостиницы, строились как монументальные, с использованием исторических стилей. <...> Почти всем общественным зданиям, воздвигнутым между двумя мировыми войнами, присущи особенности современной архитектуры. Сопровождавших этим проникновением со стороны академиков, романтиков и приверженцев сербско-византийского стиля в Нови-Саде не было. Архитектура в нем более современна, чем в других регионах Сербии. Произошло это благодаря молодым сербским архитекторам — выпускникам среднеевропейских университетских центров»¹².

---

¹¹ Подробнее об архитектуре Нови-Сада см.: *Милановић-Јовић О.* Валоризација и обрада архитектонског наслеђа у зоне старог језгра Новог Сада // Грађа за проучавање споменика културе Војводине. Бр. XI—XII. Нови Сад, 1982—1983. С. 93—169; *Mitrović V.* Graditelji Novog Sada druge polovine XIX veka // DaNS. Zapisi iz arhitekture, urbanizma i dizajna. Бр. 30. Novi Sad, 2000. С. 13—52; *Станчић Д.* Нови Сад од куће до куће. Нови Сад, 2005.

¹² *Brđar V.* Arhitektura javnih zdanja u Novom Sadu između dva svetska rata // DaNS. Бр. 40. Novi Sad, 2003. С. 42—44.

Колония русских беженцев в Нови-Саде

Среди многочисленных колоний русских беженцев одной из самых значительных была новосадская. Уютная жизнь в многонациональной среде и близость столицы, Белграда (70 км), способствовали тому, что Нови-Сад оказался привлекательным местом для временного проживания беженцев.

Корреспондент русской газеты в Белграде в мае 1920 г. о Нови-Саде писал: «Вообще, место в котором находится „купатило“ (ванные минеральные воды) особенно привлекательно. Вся эта часть города напоминает не то небольшой немецкий курорт, не то наше Царское Село»¹³.

В городе и его окрестностях поселилось около 2 тыс. беженцев из России — казаки, военные инвалиды, офицеры, интеллигенция, дворяне¹⁴.

В Нови-Саде существовали: русский детский сад, начальная школа, реальная гимназия, три библиотеки, три книгоиздательства, типография, русский православный приход, сестричество, церковный хор, Общество Российского Красного Креста, амбулатория, несколько столовых, магазины, литературные, драматические и музыкальные кружки, хор трубачей новисадской Кубанской казачьей станицы, отделение «Русской матицы», ряд политических группировок и филиалов военных объединений, несколько молодежных организаций¹⁵.

Поселились здесь и выпускники петербургских учебных заведений: Духовной академии, Академии Генерального штаба, Николаевской Морской академии, Политехнического института, Института гражданских инженеров, Академии художеств, Консерватории, Театрального училища при Александринском театре...

Российские специалисты, принятые на работу в административные, промышленные, хозяйственные и культурные учреждения, оставили след в стремительном послевоенном развитии Нови-Сада. Интеллигенция не забывала о своей родине, но считать ее беженской, «сидящей на чемоданах», нельзя: люди осваивались на местах, соответствующих

¹³ Русская газета (Белград). 1920. 23 мая.

¹⁴ Как на призрачный новый остров Петербурга, сюда перекочевали графы Бобринские, Гудовичи, Канкрины, Коновницыны, Милорадовичи, Толстые, Уваровы; князья Волконские, Воронцовы, Гагарины, Голицыны, Долгорукие, Кудашевы, Куракины, Оболенские, Трубецкие; бароны Тизенгаузены, Унгерн-Штернберги; известные дворянские семьи или одиночки: Апухтины, Бибиковы, Бунаковы, Васильчиковы, Вышеславцевы, Дашковы, Демидовы, Державины, Елагины, Коморовские, Лобачевы, Оленины, Орловы, Пржевальские, Раевские, Родзянки, Румянцевы, Соловьевы, Сперанские, Таракановы, Третьяковы, Хитрово, Хрущевы, Чернышевы, Шишкины, Энгельгардты...

¹⁵ Подробнее о русских в этом городе см.: *Арсеньев А. У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.*

их профессии. Без них как опытных специалистов зачастую было уже не обойтись, хотя они и не занимали руководящих постов. Они были самоотверженно погружены в работу и довольствовались скромным окладом.

На государственной службе новисадского Управления строительными работами в начале 1920-х гг. числилось более 20 русских, среди которых были инженеры Николай Прокофьевич Погорецкий, Георгий Николаевич Зилов, Виктор Иванович Рыбаков, Сергей Сергеевич Маккавеев, Михаил Михайлович Соколов, Сергей Иванович Картацци, Владимир Козицкий, Николай Терек и техники генерал-майор Аркадий Моисеевич Заболотный, Дмитрий Михайловский, Михаил Шашкевич. Подрядчиками строительных работ были Евгений Константинович Авраменко, Николай Михайлович Ильинский, Сергей Гаврилович Поздняков, Иван Леонтьевич Сарнавский, Георгий Скуратов. В разработке проектов крупных общественных зданий в 1930-е гг. сотрудниками являлись белградские архитекторы Андрей Васильевич Папков, Петр Дмитриевич Анагности и другие.

Особое место в новисадском Управлении занимали два инженера, выпускники Института гражданских инженеров в Петербурге — Константин Петрович Паризо де ла Валетт и Юрий Николаевич Шретер.

Константин Петрович Паризо де ла Валетт

(13.1.1877, Николаев, Херсонская губ. — 13.4.1940, Канны, Франция)

Потомок знатной семьи юга Франции (именем гроссмейстера Мальтийского ордена Жана Паризо де ла Валетта названа столица Мальты), чей прадед прибыл в Россию по время Великой французской революции, Константин Петрович не следовал военной карьере деда, отца и дяди, а в 1899 г. окончил Институт гражданских инженеров императора Николая I в Петербурге. Прослужив год в лейб-гвардии Егерском полку (на гражданской службе), он работал гражданским инженером в Оренбурге и родном Николаеве. С 1913 г. занимал должность губернского инженера Екатеринославской губернии, в чине статского советника.

В Первую мировую войну мобилизован и направлен на Галицийский, затем на Румынский фронт. Штабс-капитан (1917). Участник Белого движения.

В январе 1920 г. с семьей (с супругой и двумя сыновьями) эвакуируется из Одессы в Королевство сербов, хорватов и словенцев и в июле 1920 г. обосновывается в Нови-Саде, в котором четыре года занимает должность «архитектора 2-го класса» при городском Управлении строительными работами. Проектирует и строит в Нови-Саде административные здания, жилые дома и особняки самостоятельно и в соавторстве с другими российскими беженцами, чаще всего с Ю. Н. Шретером, своим младшим коллегой по Институту в Петербурге.

В декабре 1924 г. Паризо де ла Валетт покидает Нови-Сад. После не продолжительного пребывания в Италии семье удается возвратиться на родину предков — во Францию. Условия жизни и плохое состояние здоровья (туберкулез) не позволяют Константину Петровичу работать по специальности. Он проектирует и строит лишь несколько домов в Viroflay (предместье Парижа) и принимает участие в строительстве известного «Русского дома-пансионата» в Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем (совместно с Борисом Антоновичем Ошмянским). Из-за ухудшения здоровья ему пришлось прервать это сотрудничество, чем была окончена его архитектурная деятельность.

В 1932 г. семья переезжает на Лазурный берег, в Канны. Последние годы жизни Константин Петрович писал акварелью, преимущественно на военные сюжеты. Похоронен в Каннах на кладбище Гран-Жа¹⁶.

Юрий (Георгий) Николаевич Шретер
(20.11.1888, Одесса — 7.2.1976, Сантьяго, Чили)

Происходит из дворянской семьи обрусевших немцев. Его дядя, Виктор Александрович Шретер (1839–1901) — известный архитектор Петербурга.

Юрий Николаевич получил среднее образование в Одессе и высшее в Институте гражданских инженеров в Петербурге (1914). Проживая в Одессе и Петербурге, городах, отличающихся органическим единством зодчества и скульптуры, он тяготел и к искусствам, намеревался продолжить образование в петроградской Академии художеств и вел переговоры о поступлении на работу к академику А. В. Щусеву. Война и революция нарушили планы молодого архитектора. Юрий Николаевич мобилизован, но не отправлен на фронт, а ему поручено строительство военного госпиталя в Одессе, где его застает революция.

Весной 1919 г. Шретер с семьей (с супругой и дочерью) из Одессы эвакуируется в Турцию (остров Принкипо близ Константинополя), а вскоре попадает в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Обосновывается в Нови-Саде, где принят на работу в городское Управление строительными работами, на место «архитектора 3-го класса». Самостоятельно или вместе с другими русскими инженерами проектирует и строит дома, чаще всего с К. П. Паризо де ла Валеттом.

Покинув в середине 1920-х гг. Управление строительными работами, Шретер в Нови-Саде работал на армию, в Командовании военной авиацией, которое в середине 1930-х гг. было переведено в Земун (пригород

¹⁶ Источник биографических данных — письма Михаила Константиновича Паризо де ла Валетта (Женева), сына архитектора, к автору. — Собрание А. Б. Арсеньева.

Белграда), где Юрий Николаевич проработал до апреля 1941 г. (до развала Королевства Югославии).

В своем новисадском периоде ШрETER занимался проектированием и надзором над строительством, преподавал рисование и черчение в Русской реальной гимназии (1922—1928), участвовал в конкурсах на постройку русских храмов в Белграде и Нови-Саде. Из-за нехватки средств его проекты не реализованы.

Работы ШрETERа в Земуне: здание аэропорта «Бежания» (перестроено после Второй мировой войны), комплекс военных сооружений (сильно пострадали в 1999 г. в бомбардировках силами НАТО). До 1941 г. он проектировал и строил военные объекты по всей территории Королевства Югославии, включая: аэропорт «Гробничко поле» (Сушак, возле адриатического порта Риека), аэропорт «Девица Мария у полю» (близ Любляны). За заслуги на службе Армии Королевства Югославии ШрETER удостоен высокой награды — награжден орденом Св. Саввы.

В течение Второй мировой войны Юрий Николаевич одно время работал в строительной фирме в Граце (Австрия), выполняя работы в окрестностях г. Целье (Словения). После 3 лет, проведенных в лагере перемещенных лиц в окрестностях Зальцбурга (американская оккупационная зона), ШрETER в 1948 г. со своей дочерью и ее супругом (строительным инженером и архитектором Романом Васильевичем Эппле) перебирается в Чили. В нескольких проектных бюро в Сантьяго Юрий Николаевич работал по специальности, но без статуса самостоятельного проектировщика и без права авторизовать свои проекты. По его проектам в столице Чили построено два административных здания в стиле классицизма (похожих на Офицерский дом в Нови-Саде), несколько особняков и православная часовня на русском участке кладбища. В Чили Ю. Н. ШрETER занимался и живописью, писал преимущественно пейзажи маслом и акварелью¹⁷.

Новисадские работы К. П. Паризо де ла Валетта и Ю. Н. ШрETERа

Прибывшим в Нови-Сад почти одновременно, обоим архитекторам удалось устроиться на работу по специальности, в только что основанное Городское управление строительными работами. Вместе с остальными инженерами (механиками и строителями), техниками и чертежниками, тоже беженцами из России, им приходилось выполнять самую разнообразную работу. Рабочее и свободное время сливались, проектирование

---

¹⁷ Источник биографических данных — письма Елены Юрьевны Эппле, урожд. ШрETER, дочери архитектора, и ее супруга, архитектора Романа Васильевича Эппле (Сантьяго, Чили), к автору. — Собрание А. Б. Арсеньева.

продолжалось на дому. Дочь Ю. Н. Шретера вспоминает: «Несмотря на свою болезнь, моя мама¹⁸ была очень живая, любила людей, и у нас собирались они постоянно. Приходил писатель Сергей Рудольфович Минцлов, читал свои талантливые произведения, приходили оперные певцы Николай Баратов с женой Надеждой Архиповой, режиссер любительских спектаклей Федор Федорович Тургенев. Когда приезжали на гастроли русские артисты, бывали у нас: Вера Греч, Поликарп Павлов, Лидия Мансветова. По вечерам сходились друзья на огонек. Помню, мама — душа общества, а папа тут же, с молодым талантливым архитектором-художником Виктором Ивановичем Рыбаковым, за чертежной доской»; «Бывало, папа прерывал работу и садился за рояль. Под его аккомпанемент пели арии из опер, романсы Чайковского, Рахманинова, Мусоргского»¹⁹.

Архив новисадского Управления строительными работами (Грађевинска дирекција) плохо сохранился, как и многие архитектурные проекты первых послевоенных лет. За период своего сравнительно короткого служения в этом Управлении — Паризо де ла Валетт до 1924 г., а Шретер до 1926 г. — некоторые проекты они выполняли вместе:

— здание Управления строительными работами (1921–1922), ул. Школска, д. 4;

— палата семьи Джукич (1923–1924), ул. Светозара Милетича, д. 17;

— «Дом с львиными головами» (1923–1924), ул. Лазе Телечког, д. 10;

— две виллы (1924), ул. Сараевска, д. 3 и 5.

Самостоятельные проекты Ю. Н. Шретера:

— здание амбулатории (1923–1925), бульвар Михаила Пупина, д. 23;

— Офицерский дом (1923–1926), Белградская набережная, д. 9;

— вилла Лабинских (ок. 1924), ул. Николе Тесле, д. 20;

— жилой дом (ок. 1924), ул. Светозара Милетича, д. 13.

До сегодняшнего дня не удалось установить авторство многих зданий в Нови-Саде, среди которых, несомненно, есть и неизвестные нам работы Паризо де ла Валетта²⁰ и Шретера. Описывая в 1970-е гг. архитектурное наследие центральных городских кварталов, исследователям не удавалось указать фамилии проектировщиков трех домов: по ул. С. Милетича (д. 13 и 17) и по ул. Л. Телечког (д. 10). Эти постройки они возводили к XIX в. или периоду, предшествовавшему Первой мировой войне²¹.

¹⁸ Мария Александровна Шретер (1890, Керчь — 1929, Нови-Сад).

¹⁹ Письма Е. Ю. Эппле-Шретер к автору от 8 янв. и 19 июля 1997 г. — Собрание А. Б. Арсеньева.

²⁰ Читая подпись на проектах, историки архитектуры именуют его и так: «Константин Парис (Paris)».

²¹ *Милановић-Јовић О.* Валоризација и обрада архитектонског наслеђа... С. 146, 152–153.

Сведения о шести из восьми известных нам на сей день новисадских работ Паризо де ла Валетта и Шретера историк архитектуры Нови-Сада Донка Станчић включила в свою монографию, содержащую подробный анализ около сотни самых ценных и своеобразных зданий города, к которым мы и обратимся²².

Здание Управления строительными работами (1921–1922)
Гр. инж. Ю. Н. Шретер. Строительный надзор — К. П. Паризо
де ла Валетт

Помимо многих стилистически и исторически ценных новисадских зданий и домов, стоящих на виду и всеми легко узнаваемых, существуют и другие, выдающиеся, но менее «знаменитые». Одним из таких является и здание бывшего Управления строительными работами. <...> Вскоре после окончания Первой мировой войны, в 1919 г., это учреждение размещалось в несоответствующем особняке, и в 1921 г. было принято решение построить новое. <...> В июне 1921 г. разрешение было получено из Белграда, за подписью самого Николы Пашича, по профессии инженера, а тогдашнего председателя Совета министров и министра иностранных дел. Ю. Н. Шретер, автор проекта, на нем расписался как «начальник подотдела по проектированию зданий». Строительными работами руководил Паризо де ла Валетт. <...>

По пропорциям это гармоничное трехэтажное строение, с незначительно выдвинутой средней частью главного фасада. На его первом этаже размещен двухстворный парадный вход, а на втором — балконная дверь с ограждением в виде балюстрады. В угловых зонах фасада повторяются композиция и размеры оконных проемов его средней вертикали — некоторый вид трифориев. Над стропильной фермой ризалиты украшены тимпанами. <...> Уравновешенная рустика в виде штукатурной имитации каменных квадров (напоминающая о классических ренессансных палаццо) украшает центр фасада и угловые плоскости ризалитных поверхностей²³.

Палата Джукич (1923–1924)
Гр. инж. К. П. Паризо де ла Валетт, Ю. Н. Шретер

Четырехэтажное здание, к которому с обеих сторон примыкают низкие одноэтажные дома. Собственниками его были члены семьи Джукич, два брата, которые на двух соседствующих участках (второй — по ул. Лазе Телечког) построили внушительных размеров дома.

---

²² Станчић Д. Нови Сад од куће до куће. Далее наш историко-архитектурный анализ опирается на исследование указанного автора.

²³ Станчић Д. Нови Сад од куће до куће. С. 346–350.

В плане здание имеет «П»-образную форму. Два корпуса неодинаковой длины образуют двор. Особое внимание оказано уличному фасаду. Впечатляют различного типа трифории. Оконные проемы украшают плоские пластические орнаменты, свойственные романскому стилю. На третьем этаже, где над трифориями возвышаются плоские люнеты, акцентирован единственный балкон с каменным ограждением, расположенный в центре композиции фасада. Вертикальное деление фасадной плоскости выполнено своеобразно облицованными пилястрами, которые окаймлены цилиндрическими столбиками. На первом этаже две лавки неодинаковой ширины. До недавнего времени сохранялись оригинальные деревянные рамы витрин.

Палата Джукич строилась как торгово-деловой и жилой дом — квартиры размещались на третьем и четвертом этажах, лавки — на первом, а банк с залом и канцеляриями — на втором²⁴.

Жилой дом Джукич («Дом с львиными головами») (1922—1924)

Гр. инж. К. П. Пафизо де ла Валетт, Ю. Н. Шретер

Здание вносит архитектурное разнообразие в один из старейших городских кварталов. В 1922 г. на проекте этого второго жилого дома семьи Джукич расписались оба архитектора. «Русский классицизм» не так нагледен, как на их других работах. Очевидно, основной целью в этом случае было удовлетворить утилитарные требования, а лишь затем — художественные.

Дом почти квадратный в плане, с небольшим выступом в сторону двора, для размещения лестницы. На высоком первом этаже и на последующих этажах размещены три функционально удачно спланированные квартиры, сдвинутые относительно друг друга на ширину коридора. Живописности фасада способствуют ряды окон, различных форм и конструкций. На первом этаже окна простые, прямоугольные, украшены лишь замковыми камнями, на втором этаже оконные парапеты с балясинами, а над окнами выделяются плоские люнеты, центры которых украшают декоративные львиные головы. На третьем этаже окна украшают архитравы, опирающиеся на кронштейны. Горизонтальное деление фасада подчеркнуто квадратным слезником (между первым и вторым этажами), а также и навесом крыши, карниз украшен рядом декоративных кронштейнов.

Исторически важно отметить, что одно время на втором и третьем этажах этого здания помещались школа и детский сад новисадской русской колонии²⁵.

²⁴ Там же. С. 363—365.

²⁵ Там же. С. 354—356.

Две виллы, ул. Сараевска, д. 3 и 5 (1924)

Гр. инж. К. П. Паризо де ла Валетт, Ю. Н. Шретер.

Две почти идентичные виллы, построенные по совместному проекту К. П. Паризо де ла Валетта и Ю. Н. Шретера, подобно «близнецам», расположены рядом на тихой улочке элитной части города.

«Своим изяществом и подчеркнутым сочетанием классических украшений виллы представляют отличный пример городского зодчества третьего десятилетия XX века <...> это свежий неоклассицизм»²⁶.

Амбулатория (1923–1925)

Гр. инж. Ю. Н. Шретер

Спустя пару лет после окончания Первой мировой войны начались крупномасштабные работы по засыпке песком затопляемых лиманов Дуная, на которых намечалось строительство новых городских кварталов. Вдоль потрассированного бульвара Королевы Марии одним из первых выросло здание амбулатории («Дом народног здравля»).

Историки архитектуры порой не совсем точны, определяя стилистику построенных в Нови-Саде зданий, относится это и к постройкам Ю. Н. Шретера. Чаще всего стиль здания амбулатории определялся нейтрально-обобщающим термином «академизм», как это терминологически принято в сербском искусствоведении, или одним из видов неостилей.

Можно сказать определеннее, точнее: архитектура амбулатории в стиле русского классицизма. Без труда угадывается большое сходство с угловым сегментом ансамбля сооружений Сената и Синода в Санкт-Петербурге (арх. К. И. Росси, 1829–1834). Архитектурные работы Шретера в Нови-Саде говорят о стремлении русских зодчих воспроизвести фрагменты петербургских пейзажей в образно другой городской среде.

Трехэтажное здание занимает большой угловой участок, за которым позднее был разбит Дунайский парк. Угловая часть объема, расположенного на пересечении двух улиц, плавно закруглена. Самой впечатляющей частью фасада является центральный фрагмент, отмеченный шестью мощными колоннами ионического ордера, охватывающими второй и третий этажи. В центре этого участка расположен парадный вход и пять осей световых проемов. Ряд окон несколько разнообразят своеобразные окнатрифории. Метопы чердачного полуэтажа и распластаный ступенчатый аттик с рельефным гербом по главной оси входа эффектно завершают фасад. И крыша является почти копией крыши петербургского Сената.

Интерьер амбулатории выполнен функционально, скромно. На месте сочленения двух перпендикулярных корпусов, в углу со стороны двора,

---

²⁶ *Mitrović V. Graditelji Novog Sada... С. 32.*

размещена двухмаршевая лестница с оголенными металлическими траверсами, разделяемая большими лестничными площадками. Вдоль лестницы установлены массивные чугунные перила. В обоих корпусах здания длинные светлые коридоры и анфилады комнат, расположенные вдоль уличных фасадов²⁷.

Офицерский дом (1923–1926)

Гр. инж. Ю. Н. Шретер

Командование Первого армейского округа умело оценило положение участка на набережной Дуная, когда в 1923 г. приняло решение построить на этом месте свой Офицерский дом. Строительный комитет городского магистрата в том же году выдал временное разрешение на постройку объекта по принятому проекту Ю. Н. Шретера, которому в том году было присвоено звание военного инженера 4-го класса (на условиях инженера, нанятого по контракту). Необычное для Нови-Сада здание усложненной объемной композиции строилось очень быстро, так как уже в следующем, 1924 г. была создана комиссия по приему всех работ.

Вскоре после завершения строительства здание сильно пострадало в пожаре. В октябре 1925 г. проведены некоторые изменения проекта (на планах расписались архитектор Шретер и руководители строительными работами Александр Шумахер и Михаил Плавец).

Проект выполнен в стиле классицизма. Именно такое предложение плана здания устроило военные власти, традиционно склоненные к классике.

Характерный вид объекту придает уличный фасад с сильно выдвинутыми вперед торжественными дорическими колоннами, поддерживающими глубокую террасу с ограждением в виде балюстрады и с декоративными вазами по углам. На центральном фасаде три вертикали окон, верхние — полуциркульной формы. Окна средней части фасада разделяют массивные ионические пилястры. Центральный объем завершается треугольным фронтоном, где ранее красовался армейский герб Королевства Югославии (не сохранился).

В правой части вестибюля установлена парадная лестница с широким первым маршем до лестничной площадки, от которой направо и налево разветвляются новые лестничные марши, ведущие на этаж. Торжественность этой части интерьера подчеркнута ограждением лестницы и двумя большими волютными кронштейнами, облицованными дубовыми листьями. Потолок просторного вестибюля второго этажа выполнен в виде кессонов. Главный, торжественный зал расположен ближе к саду, над залом ресторана нижнего этажа (его плафон также украшен кессонами).

²⁷ Станчић Д. Нови Сад од куће до куће. С. 357–359.

На продольной стене торжественного зала пять больших окон. Панели стен расчленены попарными ионическими пилястрами. Центральная часть плафона плоская, но ближе к несущим стенам плафон закругляется и, опускаясь, сливается с ними («зеркальный свод»).

Офицерский дом напоминает роскошную аристократическую виллу. В 1920–1930-е гг. он пользовался популярностью. В нем устраивались балы, а просторный и тенистый ресторан в саду славился прекрасной кухней и сервисом²⁸.

Из-за позднейших реконструкций набережной Дуная и повышения уровня грунта перед зданием пришлось разобрать красиво распланированный низкий лестничный подъем и симметричные пандусы парадного входа, о чем свидетельствуют старые фотографии.

Вилла Лабинских (ок. 1924)

Гр. инж. Ю. Н. Шретер

В одной из самых престижных и укромных улиц Нови-Сада, своей левой стороной примыкающей к тенистому Футогскому парку, Ю. Н. Шретер проектировал несколько вилл. Сегодня достоверно ему можно приписать авторство лишь одной, построенной по заказу семьи Кирилла Алексеевича Лабинского (1897–1967), уроженца Екатеринославской губернии, капитана лейб-гвардии Егерского полка.

Это двухэтажная вилла с асимметричным фасадом на улице. Ризалит на левой стороне фасада богато украшают две массивные колонны ионического ордера, подпирающие арку, которая затеняет лоджию верхнего этажа.

В целях увеличения жилплощади в 1980-е гг. верхний этаж подвергся удачно проведенной реконструкции, незначительно изменившей уличный фасад.

Жилой дом, ул. С. Милетича, д. 13 (ок. 1924)

Гр. инж. Ю. Н. Шретер

Дом построен на фундаментах более старой постройки. Проект не найден, но, по свидетельству Елены Эппле, дочери Юрия Николаевича Шретера, дом строился по проекту ее отца, и в нем семья Шретеров жила некоторое время²⁹.

Это солидный двухэтажный дом, конфигурация в плане «Л»-образной формы, с узким интимным двориком. Построенный в годы, когда в Нови-

---

²⁸ Там же. С. 372–375.

²⁹ В этом доме проживала профессор Аница Савич-Ребац (1892–1953), философ и филолог, в годы своего преподавания в Нови-Саде (1938–1939).

Саде современная архитектура уже набирала силу, он свидетельствует о том, что автор склонялся к прошлым традициям. Главный фасад отличается асимметрией и нетипичным размещением архитектурных элементов.

На втором этаже внимание привлекает комбинация призматического эркера и балкончика с богато декорированным ограждением. Эта конструкция опирается на декоративные кронштейны, завершающиеся волютами. Нарядности фасада способствуют коринфские капители на пилястрах, расположенных по углам эркера, а также лепной орнамент на подоконной части, над окнами и балконными дверями.

В интерьере керамическими плитками выложены узкий коридор и лестничный марш. Винтовую лестницу ограждают чугунные перила с богатой орнаментацией. На плафоне лестничного холла выполнена соответствующая стилю декорация по штукатурке.

В доме две уютные просторные квартиры. Построенный в духе эклектики, он гармонично вписывается в уличную застройку³⁰.

Заключительные заметки

Ознакомившись с известными нам восемью работами К. П. Паризо де ла Валетта и Ю. Н. Шретера, созданными ими в Нови-Саде на протяжении всего пяти лет, с 1921 по 1926 гг., в нескольких словах отметим, какое архитектурное наследие они оставили городу, приютившему их в первые годы эмиграции.

Деятельность этих архитекторов и других инженеров из России, подписи которых не встречаем на пожелтевших, слабо сохранившихся проектах тех лет, происходила в переломный для города период. Это были годы становления новисадского Управления строительными работами, градостроительных разработок и поисков эстетических критериев комплексной застройки новых городских кварталов. Классическая «русская нота», прозвучавшая в первой половине 1920-х гг. при «замирании аккордов» пышного венгерского модерна и еще не набравшем силу громком «марше» конструктивизма и холодного функционализма, представляла оригинальный лирический переходной этап.

Построенные по проектам иммигрантов из России, здания Управления строительными работами, амбулатории и Офицерского дома явились первыми объектами гражданского строительства и своим парадным видом ознаменовали эпоху, наступившую после воссоединения Воеводины в новое государство, консолидирующееся как югославская держава.

³⁰ Станчић Д. Нови Сад од куће до куће. С. 338–340.

Два дома братьев Джукич оказались едва ли не первыми жилыми многоэтажными домами, построенными в Нови-Саде после войны. Пока это еще небольшие доходные дома, но органично вписавшиеся и обогатившие архитектурный облик города; именно они содействовали позднейшим более смелым поискам архитектурного облика центральных кварталов.

Проекты общественных зданий двух петербургских архитекторов отличаются грамотным градостроительным подходом к проектированию объемов. Они до сих пор удовлетворяют нужды населения. А особняки-виллы пленяют поэтичностью, изяществом, своеобразной декоративной отделкой и уютными интерьерами.

Работам К. П. Паризо де ла Валетта и Ю. Н. Шретера присущи логичность планировки, простые четкие композиционные решения, целесообразное использование материалов, соразмерность архитектурных элементов и целого, чуткость к окружающему ландшафту и уличной застройке, ненавязчивая орнаментика, учет свето-теневых эффектов.

Русскими беженцами-эмигрантами, осевшими в Нови-Саде, творчество архитекторов К. П. Паризо де ла Валетта и Ю. Н. Шретера воспринималось как ностальгическое напоминание о величии императорской России. Представительный Офицерский дом на набережной Дуная мог им напоминать дворцы на островах — пригородах Петербурга. Неудивительно, что в этом новисадском особняке русские любили устраивать свои балы, концерты, литературные вечера, театральные спектакли.

Так получилось, что в придунайском городе, в облик которого буквально через несколько лет активно вторгнутся постройки в стиле современной архитектуры, а по соседству со зданием амбулатории возникнут дома даже в стиле советского конструктивизма, нашлось место «русскому ампиру» — русскому классицизму первой трети XIX в., Петербургу пушкинской поры.

Наверное, архитектурно-образная взаимосвязь двух городов — Санкт-Петербурга и Нови-Сада — кроется в пожизненной любви петербуржцев к своему городу.

Ю. Н. Шретер. Офицерский дом. 1923–1926

Ю. Н. Шретер. Амбулатория. 1923–1925

Ю. Н. Шретер — К. П. Паризо де ла Валетт. Здание Управления строительными работами.
1921–1922

Ю. Н. Шретер — К. П. Паризо де ла Валетт. Вилла, ул. Сараевска, 3. 1924

Ю. Н. Шретер — К. П. Паризо де ла Валетт. Дом Джукич. 1923–1924

Ю. Н. Шретер. Жилой дом, ул. С. Милетича, 13. Около 1924

Ю. Н. Шретер. Вилла Лабинских. Около 1924